

Как поссорились Андрей Белый с Ивановым-Разумником (история неотправленного письма)¹

Аннотация

В статье прослеживается история взаимоотношений Андрея Белого и Иванова-Разумника, писателя и критика, сблизившихся на почве принятия революции и работе в альманахе «Скифы». В докладе анализируется их расхождение и ссора, вызванная различными стратегиями поведения в 1920-е–1930-е гг.: Белый пытался подстроиться под требования советской власти, а Иванов-Разумник перешел к ее стойкому неприятию, осуждая конформизм Белого. В основе доклада – неизвестное неотправленное письмо Белого Иванову-Разумнику, в котором писатель проясняет причины их политических и эстетических разногласий.

Ключевые слова

А.Белый, Р.В.Иванов-Разумник, Г.А.Санников, альманах «Скифы», русская революция 1917 г.

Дружба Белого и Иванова-Разумника оставила серьезный след в истории культуры. Тому свидетельство – знаменитые статьи Иванова-Разумника о Белом и огромный том их переписки, содержащей интерпретации произведений, пояснения к биографиям и многое другое. Писатель и критик сблизились в канун революции на почве не столько литературной, сколько политической. Ненавидящий декадентство и кадетскую умеренность, Иванов-Разумник заразил Белого идеями духовного максимализма, объяснил ему неизбежность кровавых издержек революции и, в конце концов, определил его выбор пользу Октябрьского переворота. Однако в конце 20-х ситуация изменилась. Иванов-Разумник занял позицию стойкого неприятия Советской власти. Белый же, напротив, все больше старался продемонстрировать свою лояльность.

Разногласия обнаружились в 31 году, когда Белый жил рядом с Разумником в Детском Селе и работал над книгой «Мастерство Гоголя».

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 15-34-12003 "Русская революция 1917 г. в литературных источниках (1917 - нач. 1920-х годов)".

Разумник тогда небезосновательно упрекал Белого в переверзевщине, то есть – в приспособленчестве, а Белый... обижался.

Тогда же Иванов-Разумник потребовал от своих друзей принципиальности. «Бывают эпохи, – заявлял он, – когда писатель обязан не быть публицистом. <...> Зачем... вступать на этот гибельный путь? Для персональных пенсий, пайков, житейского благоденствия? <...> Не будем ни Личардами верными..., ни Дон-Кихотами.... Политическая борьба с коммунизмом бессмысленна и вредна: но ликующая осанна – позорна и постыдна».

Белый же в то время продумывал прямо противоположную стратегию поведения. В 31 году было арестовано почти все его антропософское окружение (в том числе Клавдия Николаевна). И он готов был присягнуть кому угодно ради спасения возлюбленной, да и себя самого.

Однако до поры до времени идти на конфликт никто не хотел; оба дорожили дружбой. Окончательный разрыв произошел в сентябре 32 года.

Причина оказалась до обидного мелка, одновременно и комична, и трагична: Друзья не сошлись в оценке творчества Санникова, молодого поэта-коммуниста, написавшего производственную поэму «В гостях у египтян» – о борьбе за урожай хлопка в советском Туркестане.

Белый сообщил Иванову-Разумнику, что поэма гениальна и что он собирается писать на нее хвалебную рецензию. Зачем Белый это сделал, непонятно. Ведь в поэме было все то, что Иванов-Разумник не выносил: воспевались успехи коллективизации, разоблачались козни вредителей, связанных с иностранными разведками, а сотрудник ОГПУ выступал в качестве положительного персонажа.

Вскоре Иванов-Разумник прислал Белому письмо с кратким, но ехидным постскриптумом: «Поэму Санникова прочел... Но – ничего! ничего! молчание!...».

Эта цитата из Гоголя, из «Записок сумасшедшего», и послужила детонатором взрыва. В недавно обнаруженном нами дневнике 32 года Белый дешифровал прозрачные намеки Иванова-Разумника:

«"Ай, ай – молчание!" <...> – очередное жало; острота его в "политике": я де расхваливаю "производственную" поэму; этот человек понимает, что я пишу искренне, но злится, что я не стою в его позе "оскорбленного, никчемного величия"; но "ослиного" величия я не желаю иметь».

О том, что было дальше, К.Н. Бугаева впоследствии рассказывала Дмитрию Максимову:

«Взбешенный Б.Н. написал огромное (2 печ. л.) ответное ругательное письмо Разумнику, но посылать его отсоветовали. Ответил кратко».

Краткий ответ (4 сентября 1932 г.) содержал рассказ исключительно о радостях отдыха в Лебедяни. Санников и прочие разногласия не упоминались вовсе. Однако взрывоопасный смысл письма заключался в симметричном постскриптуме:

«На днях внимательно читал Михайловского "Литер<атурные> воспоминания и совр<еменная> смута"» – Далее следуют цитаты о Волынском, Чехове, Страхове. И – финал: «Ничего! Ничего! Молчание!».

Казалось бы, причем здесь Н.К. Михайловский? А притом, что Иванов-Разумник был его горячим поклонником. В дневнике 32 года нападки Белого

на Михайловского еще более резки («Тупица», «Ничто, надутое сероводородом»). А связь с Ивановым-Разумником обнажена:

«Иванов-Разумник сей источник болтовни и безвкусицы по сие время чтит: "ай, ай!" Но – "Ничего, ничего! Молчание!"».

Насмешки Белого были адекватно считаны адресатом, объяснившим впоследствии суть пикировки: «АБ решил отплатить той же монетой – и в этом причина его цитат из Михайловского и повторения гоголевской концовки. Так фразой "Ничего! Ничего! Молчание!" суждено было закончиться двадцатилетней переписке».

*

Это канва истории.

Но недавно появились новые материалы, позволяющие многое в этой истории прояснить. Исходное письмо, – то самое, которое, по словам Клавдии Николаевны, Белый не решился отправить, – нашлось: среди листов дневника Белого за лето 1932 г. Этот материал готовится сейчас к печати в томе «Литературного наследства». Интересующее нас письмо датировано 31 августа 1932 г. Приведем его фрагмент:

Лебедянь 31 авг. 1932 года

Дорогой друг, Разумник Васильевич,

Только теперь «от»чухался от странного перегона месяцев: апрель–май–июнь–июль; могу сказать вместе с Поприциным, что «времени – не было»; «месяца – тоже не было», было «чорт знает что»: месяца – Бонч; «времегод» – Гихл-л; недели – Сац, Колосенков, Каменев; и – кто еще?

Вместо погоды – «подхвостье» и ветер <...>, оплескивавший не дождем и зефиром, а пылью <...>; и с рядом пикантных бесед и встреч с политредакторами, обвинявшими меня в «переверзианстве» – *тем не менее*, хотя Воронский все время шутил («не Вам бояться Переверзева, а Переверзеву след<ует> бояться Вас»); <...> неожиданно произнес «критическую» речь на банкете «Гихла», в результате которой меня избрали в Группком Гихла (и даже заместителем производственного отдела) <...>; не месяцы, а *чорт знает что*, вплоть до боданья с Машбиц-Веровым, ставшим <...> вежливым до того, что он предложил мне написать крит<ическую> статью в им редакт<ируемый> сборник о... Безыменском: «Ему полезно узнать ваше мнение, как специалиста, а то – он возомнил о себе». Я же предложил ему вместо Безыменского разбор поэмы Санникова, ибо Безыменский мне, как поэт и не известен и не интересен, а вот Санников – это *и ново, и хорошо*; но представьте, на лице Машбиц-Верова появилось выражение, будто он меня, как и вы, предупреждал: «Ничего, ничего – молчанье». Тогда я из *озорства* захотел именно наперекор моде и заказу редактора-единоличника писать не о Безыменском, а о Санникове (Санников – это *де не* интересно, не модно, не прямо, и не содержательно, ибо он не «хаит», а «героизирует» трудовую интеллигенцию); и доказать, что «это» – очень хорошо и очень нам нужно (а не Безыменский, и не Сельвинский, и даже не «Сусальный Сусе» Клюева).

Но о Санникове, дорогой друг, – ниже.

Пока о том, что <...> попал в «9-ое августа» самого настоящего времени, <...>; и оказалось, что это – Лебедянь <...>, веющая ветрами сладостными, как лебединые крылья <...>; живу под крыльями двух сестриц-Лебедей, упитанный и обласканный

<...>; и делаю «Ай-ай», т.е., пишу хвалебную статью о поэме Санникове, впервые вернувшему русло поэзии к «героическому эпосу» и доказавшему, что производственная поэма – *возможна* (до сих пор – не верилось); поэму перечел раз 6 и каждый раз находил в ней новые, достойные внимания штрихи; таково содержание моего «*Ай-ай*», сегодня отвозимого в Москву, и из-за него, дорогой друг, пожалуй, мы и в самом деле станем в «разных лагерях», как вы однажды заметили мне: разумею в «*по-э-ти-че-ских*»!

Дорогой друг, прежде чем продолжать письмо, сделаю разъяснение; <...> если я сопоставляю Машбиц-Верова с Вашим «*Ай-ай*», – это потому, что мне кажется глубоко-симптоматичным факт, мной наблюдаемый давно: люди самых противоположных лагерей (коммунисты, эстеты, рапповцы, пассаисты, люди ума и вкуса вместе с людьми «моды») при упоминании о Санникове морщатся; мне кажется, что я знаю, почему это; люди *слева* на него нападают за то, что он мужественно не признавал крайностей «Раппа» (рапповцы его ругали за «байронизм») в эпоху, когда против «Раппа» нельзя было пикнуть; людей справа отталкивало, что поэзия его началась в коммунизме: в 1918 году я встретился еще с юношей, с ним; и он был убежденным партийцем, глубоко честным, глубоко чистым человеком; в политическом отношении и он был «сам собою», «вне мод»; в поэтическом отношении он, не обладая мощными «нутряными» дарами, неуклонно развивался; первые его стихи были явно слабы; но в годах, шаг за шагом, он вырос до «*Поэмы о египтянах*», которая мне тем именно нравится, что в ней сознательно ищут новой формы, мимо дешевого опрошенчества (в технике), мимо культа «классического» стиха; и мимо

ультралевых куаферных пере-про-завиваний эдак и так строки; он не прянен, как Хлебников (никакого «*зензиверова пуза*» не встретишь в его стихах) <...>; «трелящая» по-птичьему техника выродилась в побивание рекордов; и стало почему-то считаться: если поэт не «чокает» и не «тиули-пи-фьютит» по птичьему, он де не поэт; ритмический «чок» я люблю; но люблю и *содержание*; оригинальность же в модуляции «чока» («чик-чек-чак-чуки» эдакие!) – перестала быть оригинальной; Сельвинский давно так «обчукал» и «пере-про-чокал» чок, что успехи в сем соловьином искусстве пахнут глубоким провинциализмом моды «*третьего дня*»; что строка Санникова не так музыкальна и красочна, как у Клюева, – да: но Клюев, неповторимый мастер в одном даже не виде, а *разновидности* поэзии, не покрывает собой поэзии; а для меня вся прелесть его ритмов опасна тем, что *моральное содержание* его поэзии – сомнительно: его Христос – не Христос, а «*Сусе-сós*»; и этот «*Сусесос*» – объект гомосексуальной «слюнявой» патоки; со стороны содержания этот несравненный музыкант стиха – только реставратор «нео-городского письма»; почтенное искусство; но и оно не адекватно поэзии; и *не оно* в первую голову нужно современности. Санников технически полон рядом дефектов; но – тема его поэзии – «*новая*»: выдержать 3000 строк на «3» труднее чем, написать лир<ическое> стихотворение в 50 строк на «5» блеснуть технической деталью в реставрации ямба по Пушкину легче, чем дать «в стиле доклада» поэтический и вместе конкретный образ хлопка <...>; фабула разработана так, что я ей завидую (вспомните скучищу многих сот строк бессюжетной поэмы Гиппиуса <...>); «оригинальному» закручиванию строк соответствует оригинальность в тематике и композиции.

Но те, кто хочет видеть в 3000 стихах лишь, «чок», или видеть только «идеи», не свойственные этому честному и убежденному коммунисту, – тому поэма не понравится, конечно; и тут утонченный Воронский, стиховед, Вы – увы – совпадете не только с Сельвинским, но и увы – с Машбицем-Веровым. И я знал наперед, что люди «вкуса» встретят мою оценку с «Ай-ай».

Должно быть я в старости потерял всякий вкус к стихам! Но я и не горюю; и продолжаю утверждать: «Это – поэзия»!

Укажем на некоторые моменты этого письма, на мой взгляд, ключевые.

Если в отправленном кратком письме Белый осмелел только преклонение Иванова-Разумника перед Михайловским, то в неотправленном – и другие его литературные пристрастия.

Так, ставя в заслугу Санникову объем поэмы («3000 строк») и ее динамичность, Белый предлагает – для контраста – вспомнить «скучищу многих сот строк бессюжетной поэмы Гиппиуса». Речь здесь идет о поэме Владимира Гиппиуса «Лик человеческий», которую Иванов-Разумник в статье «Три богатыря» относил к высочайшим достижениям русского символизма, ставя даже выше поэмы Белого «Первое свидание».

Еще больший полемический запал – в сравнении языка Санникова с языком зауми:

«<...> он не прянен, как Хлебников (никакого «*зензиверова пуза*» не встретишь в его стихах). <...> "трелящая" по-птичьему техника выродилась в побивание рекордов; и стало почему-то считаться: если поэт не "чокает" и не "тиули-пи-фьютит" по-птичьему, он де не поэт <...>».

Здесь под прицелом оказалась статья Иванова-Разумника «"Мистерия" или "Буфф" (о футуризме)», в которой современные эксперименты со словом приветствовались и парадоксально возводились к опытам Аристофана в комедии «Птицы».

Особенно болезненна могла быть для Разумника беспрецедентная по грубости атака на Клюева:

«<...> для меня вся прелесть его ритмов опасна тем, что *моральное содержание* его поэзии – сомнительно: его Христос – не Христос, а "Сусе-сós"; и этот "Сусесос" – объект гомосексуальной "слюнявой" патоки; со стороны содержания этот несравненный музыкант стиха – только реставратор "нео-городского письма"; почтенное искусство; но... *не оно* [в отличие от производственной поэмы Санникова] в первую голову нужно современности».

Здесь в подтексте – давние разногласия в оценке поэмы Клюева «Погорельщина», вызывавшей у Разумника восторг, а у Белого – решительное неприятие: «стихи технически – изумительны; морально – *"гадостны"* <...>. Фу, – мерзость! – писал Белый еще в 29 году.

Итак, Белый подверг сомнению литературные вкусы Иванова-Разумника, что для авторитетного критика было, конечно, оскорбительно. Этот ответ можно было бы назвать симметричным, если бы не одно «но». Иванов-Разумник восхвалял тех, кто был не в чести у Советской власти. Белый же превозносил заказную поэму, иллюстрирующую партийные постановления.

Однако нападками на литературные вкусы друга дело не ограничилось. Рисуя тяготы московской жизни, Белый, вроде бы мимоходом, упоминает, что политредакторы ГИХЛА упрекают «Мастерство Гоголя» в

переверзевщине. Несомненно, он хотел показать, что обвинения цензоров тождественны обвинениям бескомпромиссного оппозиционера Иванов-Разумник. И опять Белый посчитал несущественным, что Иванов-Разумник упрекал его в «переверзевщине» за стремление приспособиться к Советской власти, а политредакторы – за отступление от уже изменившейся генеральной линии партии...

Аналогичный прием – уравнивание Иванова-Разумника с охранителями режима – использовал Белый и в той части письма, в которой рассуждал непосредственно о Санникове и своей рецензии «Поэма о хлопке»:

«... люди самых противоположных лагерей (коммунисты, эстеты, рапповцы,... люди ума и вкуса вместе с людьми "моды") при упоминании о Санникове морщатся <...>, – возмущается он, – <...> люди *слева*... нападают за то, что он мужественно не признавал крайностей "Раппа" <...> в эпоху, когда против «Раппа» нельзя было пикнуть; людей справа отталкивало, что поэзия его началась в коммунизме; в 1918 году я встретился еще с юношей, с ним; и он был убежденным партийцем...»

Белый со злорадным удовольствием перечисляет имена тех гонителей Санникова, с которыми Иванов-Разумник оказывается солидарен:

«и тут утонченный Воронский, стиховед, Вы – увы – совпадете не только с Сельвинским, но и увы – с Машбицем-Веровым».

Сравнение с одиозным рапповцем Машбиц-Веровым Белый с особым удовольствием подчеркивал:

«<...> представьте, на лице Машбиц-Верова появилось выражение, будто он меня, как и вы, предупреждал: "Ничего, ничего – молчанье"».

Оскорбительность этого отождествления, усугубленного еще и гоголевской цитатой, Белый прекрасно понимал:

«Не окончил и не отправил письма Разумнику Васильевичу, боясь, что он обидится за сравнение его с Машбиц-Веровым; но оно ответ на "*Ай, ай – молчание!*"».

Впрочем, было и еще одно объяснение неотправке письма – религиозно-мистическое. В записи за 31 августа говорится:

«...письмо не отправляю, а прилагаю к "Дневнику", Смоленская запретила посылать».

Под «Смоленской», скорее всего, имеется в виду Смоленская икона Божьей Матери в главном храме Лебедеви. Получается, что Белый, несмотря на душивший его гнев, настолько переживал ссору с Ивановым-Разумником, что ходил в церковь молиться и испрашивать совета... Полученный ответ («Смоленская запретила посылать») определил его решение не отправлять «ругательное письмо».

Это, увы, не спасло отношений Белого и Иванова-Разумника. Хватило и краткого письма, показавшегося Белому деликатным. Опубликованная в «Новом мире» статья о поэме Санникова «В гостях у египтян» выявила то, о чем, видимо, некогда предупреждал Белого Иванов-Разумник. Это предупреждение, похожее на угрозу, Белый припомнил в неотправленном письме: «<...> таково содержание моего "Ай-Ая" [то есть статьи о Санникове]..., и из-за него, дорогой друг, пожалуй, мы и в самом деле станем в "разных лагерях", как вы однажды заметили мне:... в "*по-э-ти-че-ских!*"!».

Приписка о «поэтическом» антагонизме, думается, была ироническим эвфемизмом, подразумевающим то, что друзья-единомышленники разошлись по разным политическим лагерям.